

Елена АРСЕНЬЕВА

СОН МАРИИ

Елена Арсеньева

Сон Марии

«Автор»

2019

Арсеньева Е. А.

Сон Марии / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2019

Одиночество порою приводит людей в странные компании. Но едва ли можно вообразить что-то более странное, чем это общество! Кто они? Современники? Или странники во времени? И что нужно сделать для того, чтобы присоединиться к ним? Какое пройти испытание?

Елена Арсеньева

Сон Марии

*Все гости пусты и сквозят, как туманы.
Не тронута снедь, не початы, стаканы –
Так кто же тут был?*

Ю. Кузнецов

Зима в тот год выдалась на диво беззвездной, словно светила все расточились по иным созвездиям, невидимым из нашего города. И только на обимурском утесе можно было почувствовать ночной простор небес. А так... черный глухой колпак с дыркой для луны. И все.

Впрочем, может быть, звезды просто отворачивались от меня? Это была тяжелая зима!

Случилось так, что в новогоднюю ночь я оказался один. Не стану обременять память отголосками бывлых печалей, Бог с ними, пусть пребудут с теми, кто мне их щедро дарил. Я остался один, а один быть не умею. Не научила жизнь смотреть на себя, слушать себя и собой наслаждаться. Как быть? Лечь спать и в голову не приходило, телевизора я не любил, и он платил мне тем же, то есть его стеклянное лицо было большей частью непроглядно-хмурым. Пойти к соседям – испортить людям праздник. Редакция наша в полном составе собиралась у второго зама главного, но явиться туда после того, что говорилось обо мне на последней летучке? Нет уж.

Измаявшись в одинокой духоте, я вышел на улицу. Рассказывали, что на прудах, где установлена огромная елка, некоторые чудачки встречают Новый год. Ну что же! Чужой среди чужих, случайные улыбки, никого не обременяешь, для разнообразия – мгновения ни к чему не обязывающего чувства единения с народом... У меня был коньяк, с бою взятый заранее, когда я еще не предполагал, что окажусь этой ночью один. Теперь бутылка поощрительно побулькивала во внутреннем кармане моего пальто.

Улица была пуста, черна, бела. Странные ночные тени, обрезки тьмы, лежали на снегу. И моя тень, будто соглядатай из мира мрака, то кралась позади, а то забегала вперед, норвя нахально заглянуть в лицо.

Пройдя широкой улицей, я свернул на другую, ведущую вниз, к обимурскому бульвару. Это была улица моего детства – чуть ли не единственное место в городе, куда я любил приходить не по обязанности маршрутов и где душа моя ощущала подобие покоя.

Три забитые снегом ступеньки, превратившиеся в ледянку, и крыльцо «генеральского дома» с балюстрадой, и сполохи елочных огней меж тяжелых штор. Над забором скрежетали ветви черемухи. Школа с такой низкой, низкой крышей... И тут навстречу мне из двора вывернулся человек. Надо было нам, двоим на совершенно пустой улице, столкнуться, да так, что не разойтись! Кидались туда-сюда с извинениями и сконфуженными улыбками, словно некая сила переминала нас на месте для того, чтобы мы наконец-то узнали друг друга и заорали:

– Сашка!

– Витька!

Это оказался мой бывший одноклассник. Дружба наша не переросла школьных лет, но тем трогательнее оказалась неожиданная встреча. Не буду тратить на пересказ нашего стремительного диалога, но в конце концов Сашка узнал, что деваться нынешней ночью мне решительно некуда. А он спешил в компанию – почти незнакомую, но «очень интеллигентную». И до чего же я вдруг ему позавидовал! До чего испугался ледяного радушия прудов!.. Тоска взяла.

Сашка нетерпеливо топтался рядом, готовый бежать дальше, но не знал, как бы это половчее проститься со мной, бесприютным, а я молчал, будто обиженный пацан, которого бросают дружки. И вдруг, словно бы решившись или услышав подсказку, Сашка схватил меня за руку и потащил в один из деревянных домов, которые помнились мне с детства и давно были обречены на снос. Я не противился, а когда, с мороза, мы ворвались в коридор, где густо пахло старьем, керосином, сыростью, я едва не опередил своего жогаго.

Запахи детства – это что-то необъяснимое! Я был готов воспеть и вату из разодранного одеяла, дранкой прибитого к стене крест-накрест, и железный почтовый ящик с висячим замочком, и даже обвалившуюся штукатурку. Чудилось, этот благословенный подъезд не изменился за четверть века. Дом производил впечатление ничейного, и я вспомнил вдруг, что, по сути, так оно и было; уже много лет здесь делили людей случайных, чьи жилища подвергались долгому капитальному ремонту. Ютились они тут по году и больше, в нагромождении вещей, неудобствах и надежде на расторопность городских властей. Видимо, к разряду таких вот бедолаг и принадлежали Сашкины «интеллигенты».

Мы вошли. В прихожей и кухне горел нормальный свет, а в комнате свечи – какое-то церковное множество свечей! Приглядевшись, однако, я понял, что это оптическая иллюзия: свечей было не так уж много, зато здесь стояло несколько зеркал, их роль выполняли стекла книжных шкафов, огоньки разбегались, дробились... Комната была невелика, но из-за этих свечей, мигавших в глубинах отражений, чудилось, будто мы, гости, сидим не за тесным столом, а далеко-далеко друг от друга... в разных углах, в разных комнатах... в разных мирах... Впрочем, я частенько поминаю мирозданье все!

Ну вот, мы сидели, пили, ели, нормальный свет потом, кажется, зажгли, потому что я разглядел некоторых гостей. Играла музыка, несколько человек танцевали среди нагромождения вещей, в полночь все пили шампанское и кричали. Толпа была разнородной, но при этом никто не чувствовал ни разобщенности, ни скуки, ни неловкости друг с другом, хотя не было стержня, роль которого в застолье призваны исполнять хозяева. Надо сказать, хозяина вовсе не было. А хозяйка...

Она вела себя так, будто сама здесь нечаянная, никого не знающая гостья. Сидела в потертом кресле, завернувшись в тонкую белую шаль. У нее были очень прямые худые плечи, и я в жизни не видел, чтобы шаль так строго лежала на плечах.

Хозяйке было, пожалуй, около сорока; возраст ее выдавали серые от седины, коротко стриженные волосы и еще глаза. Серые, большие, с назойливым выражением тревоги. Иногда они заплывали слезами, и в них начинали колыхаться огоньки, глаза словно бы горели, а потом скулы напрягались – и она снова сидела с подобием улыбки на губах. Чудилось, она горда... но это была уязвленная гордость.

Конечно, я спросил о ней Сашку, найдя его оживленно обсуждающим традиции и влияние вольных каменщиков с каким-то бородачом. Почему? Да здесь казалось возможным все!

Сашка торопливо пробормотал, что муж этой сероглазой женщины, собственно говоря, и соткал пестрый узор компании, но как ушел утром, так до сих пор и не возвращался. Тревожится Анна не потому, что с ним могло случиться худое. Ходили слухи, будто хозяин изменяет жене направо и налево, так что, судя по всему, он задержался в одной из тех сторон.

Видимо, я к тому времени был не: очень-то трезв, потому что ринулся к хозяйке, устроился рядом, забрал ее холодные пальцы в свои:

– Не надо так переживать!

Глаза Анны заматались было, но вдруг с надеждой приковались ко мне.

– Знаете же, как у нас ходит транспорт! – почувствовав некоторое одобрение, продолжал я. – Ну просто штурмом надо брать! А – пока выйдешь – разденут. Может быть, и ваш муж не доехал еще. Или решил подкупить горючего. А уж очереди за этим делом!..

– Помилуйте! – сказала Анна. – Какая очередь? Какой транспорт? Сейчас уже за полночь!

Ну я и загнул! И впрямь... Но лихой мой язык, словно уши не передали ему сигнала «стоп», порол свое:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.